

Пролог

Абердин, Шотландия, июль 1987 года

Все было готово к приему гостей. Стол красного дерева в обеденной зале застелили белой кружевной скатертью. Сквозь широкое эркерное окно в комнату лился свет, и на золотистой кайме фарфоровых чашек плясали солнечные зайчики. На столе стояли тарелки для гостей и лежали светлые льняные салфетки, а еще — начищенные до блеска десертные вилки, щипцы для сахара, серебряный молочник и изящные, тоже серебряные чайные ложечки, которые так и сверкали на солнце.

А в прохладной кухне на самых изысканных тарелках, что только нашлись в доме, дожидались своего часа закуски. Каких сэндвичей тут только не было: и с копченым лососем, и с курицей, и с ветчиной, и с огурцом! Причем с каждого куска хлеба заботливо срезаны корки. На отдельных тарелках лежали круглые сэндвичи с джемом — их еще называют пенсами — любимое лакомство долгожданных гостей, а также сконы¹, кексы и великолепный шоколадный торт.

Комнаты утопали в цветах: их расставили по тщательно вымытым вазам и кувшинам, извлеченным из глубин

¹ Классическая британская выпечка: маленькие булочки быстрого приготовления с различными начинками или без них. Сконы являются неотъемлемой частью британской чайной церемонии. — *Здесь и далее прим. перев.*

буфета. Куда ни глянь, все было усыпано нежными лепестками, а в воздухе, смешавшись с запахом воска, витал сладкий аромат роз.

В гостиной с высоким потолком, расположенной напротив обеденной залы, у окна, выпрямив спину, стояла статная пожилая дама в бледно-розовом платье. На шее и на груди у нее поблескивали жемчуга. В больших, слегка раскосых глазах горело нетерпение. Дама порывисто дышала, вцепившись в край подоконника. Ее внимание было приковано к пересечению улицы, на которой стоял дом, и оживленного шоссе. Именно с той стороны она и ждала гостей.

Они ни разу не бывали в ее роскошном, просторном особняке из серого гранита, построенном на одной из богатейших городских улиц. В пасмурные дни дом казался чересчур мрачным, зато в погожие нарядно сверкал в лучах солнца. И сегодня, в самый разгар июля, как раз и выдался такой вот прекрасный, искристый денек!

Свет, проникавший в гостиную сквозь большое окно, падал на элегантную каминную полку, на которой выстроились шеренгой фотографии в серебряных рамках. С одной из них весело смотрели две улыбчивые девчушки в одинаковых юбках из шотландки и вязаных жакетах. Старшая обнимала за шею коричневого окраса собаку со стоячими ушками, а младшая — гладила. Позади девочек раскинулась клумба с тюльпанами, а чуть поодаль высились башни замка.

На соседней фотографии эти же девочки позировали уже в коронах. Теперь они смотрели торжественно и серьезно, а одеты были в длинные белые платья и отороченные мехом мантии, которые стелились по полу и ложились складками у их ног, точно бархатные реки. За спиной у девочек стояли мужчина и женщина — тоже в мантиях и больших, украшенных крупными драгоценными камнями коронах. Взгляд у мужчины был

настороженный, а женщина смотрела смело и решительно.

Пожилая дама терпеливо ждала, уединившись в тихой гостиной. Время от времени она вздыхала, точно человек, чаявший исполнения своей заветной мечты. В остальном же в доме царила тишина, нарушаемая лишь тиканьем больших напольных часов. В камине, между двух альковов, полыхал огонь. Пускай на дворе и лето, но в шотландских домах неизменно царила прохлада. А в замках — тем более! Уж она-то знала об этом не понаслышке.

Вдруг дама еще сильнее выпрямилась и затаила дыхание. Вот он, долгожданный миг! Вдали, на широкой дороге, идущей от аэропорта, показался лимузин. Это, наверное, полицейское сопровождение! А сами гости, выходит, едут в следующем автомобиле. Сухонькие руки вцепились в подоконник еще крепче. Даме показалось, будто в одной из машин мелькнуло бледной вспышкой знакомое лицо.

Молодой человек в строгом костюме в тонкую полоску, сидящий на переднем сиденье второго автомобиля, открыл кожаный чемоданчик. Чувствовалось, что он к своим обязанностям конюшего² еще не привык и страшно нервничает. Он достал какие-то бумаги и развернулся к пассажиркам — двум темноволосым дамам средних лет. Их внешнее сходство сразу же бросалось в глаза.

Одна — загорелая, с ярким макияжем — была одета в розовое платье, дополненное крупными белыми бусами; вторая — с виду более консервативная — в кардиган,

² Исторически закрепившаяся должность при монаршем дворе в Великобритании. Первоначально конюшие заведовали королевскими конюшнями, но с течением времени взяли на себя организацию поездок монарших особ и нередко сопровождение их в путешествиях.

джерси из бежевой шерсти и клетчатую юбку. На шее у нее красовалась двойная жемчужная нить, а густые волнистые волосы были зачесаны назад.

Новоиспеченный конюший, явно преисполненный глубокого уважения к своим спутницам, волнуясь, прочистил горло.

— Ваше величество, позвольте минутку внимания. Мы проезжаем улицу, на которой живет одна особа, которая когда-то служила в королевском дворце.

Дама в кардигане, которая до этого не отводила глаз от окна, развернулась в сторону конюшего.

— Зовут ее Мэрион Кроуфорд, — продолжал он. — И, по ее словам, она была гувернанткой вашего величества целых шестнадцать лет. Насколько я знаю, от нее каждый год приходят письма с приглашениями заехать к ней как-нибудь на чай по пути в Балморал, — поведал юноша и, сделав внушительную паузу, с робостью добавил: — Вот я и подумал, быть может, ваше величество...

— «Писем от Мэрион Кроуфорд можно касаться лишь очень длинными щипцами!» — с неожиданной живостью вставила загорелая дама и запальчиво посмотрела на сестру. — Помнишь это указание, Лилибет? Что скажешь?

Ответа не последовало. Шофер начал потихоньку снижать скорость. Впереди показалась синяя табличка, знаменовавшая конец улочки, на которой жила пожилая гувернантка.

Хозяйка дома, по-прежнему стоявшая у окна в гостиной, радостно замахала морщинистой рукой. Автомобили замедлили ход. Подумать только! После стольких лет они все же свернули к ней и остановились у самого дома! Ворота она распахнула заранее — как и всегда.

— Лилибет! — громко позвала дама в розовом платье.

Часть первая

Эдинбург, 1932 год

Глава первая

Платье получилось пышным: в нем так и хотелось танцевать и кружиться! Со стороны ни за что не скажешь, что сшили его дома, да еще по бесплатной выкройке из журнала. Матушка превзошла саму себя! Платье безупречно сидело в талии, подчеркивая стройную фигуру Мэрион, а чуть укороченный подол оголял ее красивые ножки.

Она уже хотела было перейти на другую сторону улицы, но вовремя отскочила назад. Мимо — прямо по лужам, оставшимся после недавнего ливня, — пронесся блестящий автомобиль с королевским гербом. Девушку окатило струей грязной воды, моментально запачкавшей юбку и чулки.

Мэрион ужаснулась. С деньгами у них в семье было туго, и потому новые наряды появлялись у нее нечасто. А теперь платье было безнадежно испорчено...

— Вот, возьмите! — послышалось откуда-то сзади.

Кто-то протянул ей смятый носовой платок.

— Спасибо, — отозвалась Мэрион и, не глядя, взяла его.

Первым делом надо спасти платье, остальное — потом! Но пока она оттирала грязную ткань, ее взгляд невольно задержался на обуви человека, вызвавшего ее помочь. Ботинки у него были поношенные, а один

из шнурков развязался. Но сшиты они были из плотной кожи и явно стоили немало.

— Пожалуй, следует представиться, — проговорил незнакомец. — Меня зовут Валентин.

— Валентин? — переспросила она, даже перестав на миг чистить платье, — и подняла взгляд, встретившись глазами с темноволосым молодым человеком. — Это в честь святого Валентина, не так ли?

— Все так говорят, — спокойно произнес он. — Но на самом деле в честь персонажа из «Двух веронцев».

Его английский был истинно британским, пускай и лишенным привычной чопорности и отрывистости, столь свойственной англичанам. По речи чувствовалось, что собеседник образован и далеко не беден, и, надо сказать, слушать его низкий, теплый, слегка хрипловатый голос было весьма приятно.

— Не видела этой постановки, — распрямившись, пожала плечами Мэрион.

— О, это я тоже слышу частенько! А вас как зовут?

— Мэрион.

— В честь девы Марион?³

— Все так говорят, — парировала Мэрион. И хотя это было ложью, она решила ничего больше не объяснять.

— Ну что ж, тогда мы квиты, — заметил он, широко улыбнувшись, а Мэрион вдруг точно током прошило от мысли, как же он красив!

Глаза у него были большие и черные, и в них поблескивали озорные огоньки. Непослушная прядь упала на лоб, придав Валентину сходство с непоседливой мальчишкой — хотя, наверное, они с Мэрион были ровесниками, и ему тоже было немногим больше двадцати. Помимо поношенных ботинок, его облачение состояло

³ Имеется в виду возлюбленная Робин Гуда, популярная героиня английского фольклора.

из мятых фланелевых брюк, чуть потрепанного твидового пиджака и алого, точно пламя, шарфа. С плеча свисала холщовая сумка цвета хаки с откидным клапаном, на вид очень громоздкая и тяжелая.

— Вы, как я посмотрю, местная, — заметил он.

— Чего не скажешь о вас, — усмехнулась Мэрион.

— Неужели это так бросается в глаза?

— У вас нет шотландского диалекта.

— О да, научиться ему — это и впрямь целое дело, — невозмутимо отозвался Валентин. — Даже шотландцы — и те не справляются. В Глазго вон с этим совсем беда!

Мэрион не смогла удержаться от смеха.

Валентин вновь одарил ее ослепительной улыбкой.

— Я из Лондона. Не бывали там?

Мэрион покачала головой. Еще ни разу в жизни она не покидала пределов Шотландии, вот только это никогда ее особо не заботило. Но сейчас она вдруг почувствовала себя ограниченной провинциалкой.

— Мне пора, — сказала она.

— А можно вас проводить?

— С какой стати? — с подозрением поинтересовалась Мэрион.

— А с такой, что вы необыкновенно красивы!

Комплимент прозвучал столь неожиданно, что она снова чуть не расхохоталась. Но куда больше, чем смеяться, ей хотелось поверить, что он и на самом деле так думает.

— Эта прическа вам очень идет, — добавил Валентин, и на душе у Мэрион потеплело.

Сама она отнюдь не была довольна тем, как подстригли ее каштановые волосы. Стоило бы пойти к парикмахеру поопытнее, но денег хватило лишь на салон миссис Маккласки.

Короткая стрижка должна была привнести в ее облик изысканность и лоск, подчеркнуть ее свободу и независимость, но в действительности придала ей сходство

с кроликом, с которого содрали шкурку. Во всяком случае, так казалось ее матушке.

— О, Мэрион! Что ты с собой сделала! — запримечала та, увидев новую прическу дочери.

«Это не я, это миссис Маккласки», — недобро подумала тогда Мэрион. Как ни крути, трудно следовать моде, когда в кармане нет ни гроша.

— Это называется «итонская стрижка», мама. Сейчас такое очень модно.

— Какая-какая стрижка? — недовольно переспросила миссис Кроуфорд. — Бандитонская? Оно и видно!

Однако же утонченный гость из столицы сделал Мэрион комплимент! Впрочем, обнадеживать его она не спешила. Но это было и не нужно: Валентин безо всяких приглашений бодро устремился вслед за девушкой.

— А куда вы направляетесь? — поинтересовался он, поравнявшись с ней.

— На Грассмаркет.

Его черные глаза удивленно округлились.

— Вы там... живете?

Мэрион так и подмывало подшутить над ним, но она, неожиданно даже для самой себя, ответила правдиво:

— Нет, только преподаю в свободное время.

Он перекинул тяжелую сумку на другое плечо.

— Что ж, я впечатлен!

Мэрион сделала вид, будто его похвала ее нисколько не тронула.

— Я хочу стать учительницей и как раз сейчас изучаю педагогику. И дети из малоимущих семей представляют для меня профессиональный интерес.

Она нисколько не сомневалась, что после этих слов Валентин уйдет. Как правило, новость о том, что Мэрион работает в трущобах, повергала людей в ужас. Спустя три года после печально известного биржевого краха и последующих экономических бедствий в народе

укрепилось убеждение, что бедные сами виноваты в своих несчастьях. Но даже если это и правда, в чем Мэрион очень сомневалась, дети тут ни при чем.

Она решительно продолжила путь, прибавив шагу. К ее изумлению, Валентин по-прежнему шел рядом, несмотря на свою тяжелую ношу.

— В самом деле? Это же замечательно! — воскликнул он.

Может, и замечательно, но только с одной стороны. С другой же — страшно, жестоко и несправедливо. Еженедельные визиты Мэрион в трущобы познакомили ее с миром, который ужаснул бы и самого Диккенса. Нищета и зловоние — это еще полбеды, куда хуже то, как бедность воздействовала на умы — в самом прямом смысле слова. Дети, растущие в трущобах, страдали от рассеянности, соображали медленно, а от долгого недоедания начинали слепнуть и глохнуть. На то, чтобы прочесть книгу — пусть даже самую простую, — у них уходила целая вечность.

До Королевской Мили оставалось всего ничего. Пока они шли, на улице распогодилось и над городом раскинулось безоблачное синее небо. На севере поблескивал, точно сапфировый ковер, залив Ферт-оф-Форт. С южной же стороны возвышался над городскими башенками и шпилями величественный Трон Артура⁴. А над громадными воротами Эдинбургского замка нарядно блестел на солнце золотистый герб с королевским девизом — «*Nemo Me Impugne Lacessit*».

— «Никто не тронет меня безнаказанно», — с ходу перевел Валентин.

— Или, как сказали бы шотландцы, «ты со мной не шути, др-р-ружище!» — вставила Мэрион, по-шотландски растягивая согласные.

⁴ Знаменитая гора, которая находится в эдинбургском парке Холируд.

— Но с ними все же шутили — и дошутились, — заметил Валентин. — Марию Стюарт и Карла Первого казнили. А Якова Второго и Красавчика принца Чарли⁵ лишили трона. На месте этих господ, — он выразительно кивнул на Холирудский дворец, — я бы поостерегся.

— Чего именно?

Его взгляд под непослушными прядями, упавшими на лоб, вдруг заметно посерьезнел, а Мэрион вновь отметила про себя, какое же у него красивое и благородное лицо, пухлые, выразительные губы, острые скулы.

— Всенародной пролетарской революции! — провозгласил он.

— Вы республиканец?

Его темные глаза сверкнули.

— Монархия как институт безнадежно устарела. Как вообще можно оправдывать систему, внутри которой все привилегии, власть и положение в обществе определяются исключительно происхождением?! В современном мире ей не место! — заявил он и, немного помолчав, взволнованно добавил: — Победа рабочих над правящим классом исторически неизбежна: это так же верно, как и то, что на смену зиме приходит весна!

— Так вы коммунист! — ахнув, воскликнула Мэрион.

— Ну да, красен насквозь, и что с того? — с усмешкой спросил он и посмотрел на нее.

Пространство между ними, казалось, наполнилось электрическими разрядами. Мэрион никак не могла отделаться от мысли, что он не только «красен», но и прекрасен — настолько, что у нее аж перехватило дыхание, а внизу живота разлилось тепло.

Он приоткрыл сумку, и Мэрион увидела, что та до отказа набита газетами с красной эмблемой «серп и молот» и крупным заголовком — «Дэйли Уоркер».

⁵ Этим прозвищем в свое время наградили Чарльза Эдуарда Стюарта.

— Мне пора, — торопливо сказала она и сбежала по темным ступеням, ведущим от Замковой скалы.

Внизу ее ждала грязная мостовая и неприветливые, мрачные дома с высокими фронтонами. Когда-то здесь обитала городская аристократия. Теперь же Грассмаркет стал убежищем — если это слово тут вообще уместно — для людей совершенно иного сорта.

Она слышала, как Валентин бежит следом, но ему было за ней не угнаться. Пока он спускался по лестнице, Мэрион уже успела затеряться в лабиринте переулков. И теперь, прижавшись к влажной стене и вдыхая зловонный воздух, она думала о том, что же вынудило ее на этот внезапный побег.

От Валентина как будто бы исходила опасность, но какая? Коммунизм ее не страшил — скорее, наоборот — привлекал. Да и сам Валентин показался ей остроумным и обаятельным. А эта его улыбка, ослепительная и теплая, точно солнце! Мэрион вдруг захлестнула волна сожаления, но было уже поздно. Едва ли они встретятся вновь — в таком большом городе это попросту невозможно...

Дверь в жилище семейства Макгинти располагалась на первом этаже, по соседству с полуразрушенной лестницей, давно лишившейся перил. Как и всегда, Мэрион тут же отбросила всякие мысли о своих финансовых затруднениях. По сравнению с жителями таких вот домов она была богата как королева, как выходцы из монаршей семьи, по чьей милости пострадало ее платье. По счастью, грязные пятна потускнели — платок Валентина пришелся очень кстати. Она сунула руку в карман и нащупала матерчатый комок. Так значит, она забыла его вернуть!

Мэрион постучала в дверь, которая чудом удерживалась на петлях, и показалось маленькое бледное личико.